

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2018

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 7 (71) Том - Революционные волны и трансформации
картины мира в XX в.. 2018

Олимпиада 1936 г. в Берлине: борьба за проведение и поиск альтернатив

Альтман И. А.

*Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, Москва*

Белоусов Л. С.

*Российский международный олимпийский университет
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, Москва*

Винклер К. .

*Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, Москва*

Ищенко В. В.

*Институт всеобщей истории РАН
Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, Москва*

Пешин Н. Л.

*Российский международный олимпийский университет
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

Статья посвящена истории подготовки и попыткам бойкота Олимпийских Игр в Берлине летом 1936 г. Проанализированы глобальные политические угрозы олимпийскому движению, возникшие в период подготовки к XI Олимпиаде,

которая продемонстрировала двойственную роль спорта в нацистской Германии: он стал действенным инструментом для подготовки к будущей войне, а также пропагандистским прикрытием расовой теории, политики государственного антисемитизма и милитаризации Третьего рейха. Авторы раскрывают как попытки бойкота Игр, так и движение самых разных общественных сил в мире за проведение альтернативных Игр в Барселоне. Вскрыты механизмы обмана Международного олимпийского комитета нацистским руководством и субъективные факторы, повлиявшие на отказ от бойкота. Рассмотрены последствия проведения Игр и неудачи бойкота в контексте подготовки Германии ко Второй мировой войне. Делается вывод, что уроки Олимпиады в Берлине особенно важны в рамках «системы раннего предупреждения» зарождения расизма и ксенофобии на государственном уровне.

Ключевые слова: летние Олимпийские игры в Берлине 1936 г., Международный олимпийский комитет, нацистская Германия, бойкот, расизм, политика государственного антисемитизма

Дата публикации: 31.08.2018

Источник финансирования:

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-78-30029.

Ссылка для цитирования:

Альтман И. А. , Белоусов Л. С. , Винклер К. , Ищенко В. В. , Пешин Н. Л. Олимпиада 1936 г. в Берлине: борьба за проведение и поиск альтернатив // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Выпуск 7 (71) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840002381-8-1> (дата обращения: 10.12.2018). DOI: 10.18254/S0002381-8-1

¹ Зимние и летние Олимпийские игры 1936 г., проходившие в Германии, вошли в историю как «Нацистские игры» и «Олимпиады Гитлера». С ними связан один из самых первых серьезных кризисов олимпизма. Они ярко показали двойственную роль спорта в стране с агрессивным диктаторским режимом, ставшей хозяйкой этих Игр. С одной стороны, он стал действенным инструментом властей для подготовки к будущей войне, с другой — пропагандистским прикрытием расовой теории, политики государственного антисемитизма и милитаризации нацистской Германии.

² Зимняя и, особенно, летняя Олимпиады в Германии впервые продемонстрировали глобальные политические угрозы олимпийскому

движению. Расизм и нарушение прав человека в нацистской Германии побудили людей в разных странах выступить с требованием бойкота этих Игр и переноса их в другую страну. Пожалуй, впервые в своей истории в период 1933—1936 гг. современное олимпийское движение столкнулось с угрозой срыва очередной, находящейся уже в стадии подготовки, Олимпиады. Вот почему актуальным остается вопрос общей оценки этих Игр не только в контексте истории Олимпиад, но и на фоне эпохи кануна Второй мировой войны, прежде всего — с точки зрения угроз как олимпийскому движению, так и правам человека. А это, в свою очередь, ставит вопрос о причинах неудачи попыток отмены или переноса Игр, в организации бойкота которых впервые участвовали самые разные спортивные, политические, религиозные и иные организации.

3 В данной работе мы ставим задачу не только кратко воспроизвести основные события кануна и времени Олимпиады 1936 г., не только проанализировать альтернативные варианты проведения Игр, но и ответить на ряд вопросов, которые чрезвычайно важны как для понимания всей истории олимпийского движения, так и — в особенности — при оценке вызовов и угроз сегодняшнего дня. Многие вопросы, волнующие людей сегодня, возникли именно накануне берлинских Игр. Могли ли и, если «да», то в какой мере руководство олимпийским движением и мировая спортивная общественность повлиять, опираясь на Олимпийскую хартию, на расовую политику и нарушения прав человека в нацистской Германии? На какие уступки пришлось пойти МОК, чтобы сохранить сам факт проведения Игр? Чего удалось добиться и на что спортивные чиновники по объективным или субъективным причинам закрыли глаза?

4 Эти уроки Олимпиады в Берлине особенно важны для совершенствования «системы раннего предупреждения» зарождения расизма и ксенофобии на государственном уровне.

5 Несмотря на то, что на первой послевоенной сессии МОК в Лозанне в 1946 г. проведение Игр в Берлине было признано ошибочным, дискуссии о подготовке и итогах этих Игр продолжаются, а параллели между ними и последующими другими спортивными событиями, в том числе связанными с СССР и Россией, нередко используются политиками и публицистами в самых разных целях.

6

Нацистское руководство и Олимпийские игры

Заявка веймарской Германии на прием Олимпийских игр была подана на сессии МОК в Берлине в 1930 г. Окончательное решение о проведении летних Игр 1936 г. было принято в 1931 в Барселоне. Выбор Берлина был обусловлен несколькими факторами: здесь должны были состояться Игры в 1916 г.,

отмененные из-за войны; наличие необходимых спортивных сооружений; успехи германских спортсменов; декларирование Веймарской республикой принципов, близких Олимпийской хартии; отсутствие реальных конкурентов.

⁷ Позиция нацистов по поводу проведения Игр в Берлине в этот период была весьма критической. Учитывалось, что сборная Германии на X летних Играх 1932 г. в Лос-Анджелесе заняла лишь 9 место в общекомандном зачете. Один из главных аргументов носил расистский характер и касался участия афроамериканских спортсменов. Рупор НСДАП партийная газета «Völkischer Beobachter» («Народный обозреватель») в своих комментариях к итогам X Игр отмечала: «Следующие Олимпийские игры состоятся в 1936 г. в Берлине. Мы надеемся, что лица, занимающие ответственные посты, знают, в чем состоит их долг. Черные должны быть отлучены. Мы ждем этого. Если страна берется за проведение Олимпийских игр, то приходится допускать к участию черных, а это свидетельствует о безрассудстве и непоследовательности страны белой расы»¹.

⁸ Гитлера до прихода к власти мало интересовала олимпийская тематика. Более того, он называл Игры «изобретением евреев и масонов»². В нацистском ежемесячнике, издаваемом Гитлером, олимпиады критиковались как порождение «индивидуалистически — демократического спорта», который подпитывается презренными «либерализмом», «индивидуализмом» и кубертеновскими идеями равенства». Все это, утверждал автор статьи «Олимпийская идея» Халлер, в конечном итоге имеет практический политический контекст в виде стимулирования большевистской борьбы против белой расы³. Так же считал и Национал-социалистический союз студентов. По мнению его руководства, арийские спортсмены не должны соревноваться с представителями «неполноценных» народов. Однако, придя к власти, нацисты достаточно быстро осознали, какие политические дивиденды они могут извлечь из проведения Игр. 16 марта 1933 г. президент Олимпийского комитета Германии доктор Теодор Левальд⁴ встретился с Гитлером, министром пропаганды Геббельсом и министром внутренних дел Фриком. На встрече Гитлеру были представлены весомые аргументы за проведение Игр в Германии и предложен пост почетного председателя Оргкомитета Игр. Возглавить Оргкомитет Гитлер отказался, пообещав, тем не менее, всяческую поддержку проведению Олимпиады. Рейхсканцлер даже предложил, несмотря на кризис, не экономить средства на сооружение новых спортивных объектов. Впоследствии это приведет к значительному росту бюджета Игр⁵.

⁹ Между тем, к лету 1933 г. Олимпийский комитет Германии возглавили партийные функционеры и он, вопреки Олимпийской хартии, стал полностью подконтролен государственным и партийным структурам. Его прежние руководители Т. Левальд и К. Дим⁶ вошли в (а Т. Левальд на короткий период и возглавил) Организационный комитет Олимпиады. Им отводилась роль, прежде

всего, посредников в контактах с руководством МОК и национальными олимпийскими комитетами. Фактически организацией Игр руководил рейхспортфюрер Ханс фон Чаммер унд Остен. Его расовая интерпретация значения спорта в нацистской Германии была сформулирована в заявлении от 8 мая 1933 г.: «Германский спорт предназначен для арийцев. Германское молодежное руководство будет только для арийцев и без евреев»⁷. В середине июня 1933 г. этот спортивный чиновник прямо заявлял о том, что Германию на Играх должны представлять только немцы⁸. Тем не менее, в конце 1935 г. (в период особо активных попыток бойкотировать Игры) он по поручению Гитлера посетил несколько европейских государств, в том числе Англию и Францию, встретившись с премьер-министрами этих стран и заверив их, что евреи будут допущены к Играм⁹.

¹⁰ Первым из нацистских вождей, оценившим новые возможности использования Игр в Германии, был министр пропаганды Й. Геббельс. В своем министерстве он создал специальную комиссию по пропаганде Олимпийских игр и постоянно подчеркивал общенародный характер подготовки их проведения. В начале 1935 г. было опубликовано обращение к германской нации Й. Геббельса, В. Фрика и Х. фон Чаммера унд Остена. В нем говорилось: «Тяжелая судьба, постигшая Германию, воспитала новое поколение. Оно прямо и непоколебимо встречает новые испытания и не уходит от них в мир иллюзий. Место формирования духа заняло воспитание тела». Предстоящая Олимпиада должна будет показать всему миру «какие силы высвобождает идея германского народного сообщества»¹⁰.

¹¹ Действенным способом привлечения на сторону нацистов мирового общественного мнения стали пропагандистские фильмы. Ключевым явилось согласие (после долгих уговоров, в том числе с участием фюрера) знаменитого кинорежиссера Лени Рифеншталь взяться за подготовку документального фильма об Олимпиаде¹¹.

¹² Геббельс четко осознавал, что международный бойкот берлинской Олимпиады нанесет огромный урон престижу нацистской Германии: «такая перспектива должна быть исключена в любом случае».

¹³ Будущее грандиозное спортивное мероприятие было поддержано со стороны нацистского государства и экономически. Нацистское руководство выделило значительные средства на проведение Олимпиады. Бюджет Игр за три года вырос почти в 20 раз: с 5,5 млн до 100 млн рейхсмарок. Только на украшение улиц столицы Германии (его предложил Геббельс, занимавший также пост гауляйтера Берлина) в период Игр было выделено 20 млн рейхсмарок. Игры курировало непосредственно высшее нацистское руководство. 5 октября 1933 г. стройку олимпийских сооружений посетил Гитлер. Он приказал переделать проект олимпийского стадиона: «если мы

приглашаем в гости весь мир, нужно создать нечто грандиозное и великолепное... в этом случае несколько миллионов ничего не значат».

¹⁴ Противодействие международному бойкоту Олимпиады стало прямой и важнейшей задачей германского внешнеполитического ведомства. Использовался метод «кнута и пряника». Иностранным журналистам, негативно освещавшим зимнюю Олимпиаду, МИД отказывал в выдаче виз на летние Игры. В то же время, немецкие дипломаты гарантировали участие в Играх спортсменов «независимо от расы и цвета кожи». В частности, в этом был заверен МИД Франции, пославший соответствующий запрос¹².

¹⁵ Открытию Игр предшествовала тщательно продуманная пропагандистская кампания. Представляя членов сборной Германии, СМИ не должны были упоминать о представительнице «неарийской крови». Геббельс требовал на время Олимпиады публично не упоминать и о судебных процессах против нарушителей «расовой чистоты»¹³.

¹⁶

МОК и нацистское государство

Приход нацистов к власти не повлиял на позицию МОК, некоторые члены которого открыто симпатизировали Гитлеру. Не случайно, решение о проведении зимней Олимпиады в Гармиш-Партенкирхене (после неожиданного отказа Франции) было принято МОК летом 1933 г., когда антисемитский и тоталитарный режим в Германии был уже очевиден. Руководству и членам МОК были известны конкретные факты дискриминации в спорте нацистской Германии: закрытие союзов рабочего спорта (1933); запрещение евреям посещать спортивные соревнования, изгнание их из немецких спортивных клубов (1933), запрет проводить спортивные мероприятия конфессиональным объединениям молодежи (1935). И хотя функционеры МОК утверждали, что «спорт вне политики», полностью игнорировать общественное мнение и публикации в СМИ они не могли. В переписке с коллегами из Олимпийского комитета Германии МОК использовал довольно решительную риторику, настаивал на соблюдении Олимпийской хартии, прибегая к недвусмысленным угрозам лишить Берлин права проведения Игр. Уже в марте 1933 г. президент МОК (1925—1942), бельгийский граф Анри де Байе-Латур, направил своим немецким коллегам специальное письмо по данному вопросу. Властям Германии был выставлен своего рода ультиматум: «В случае, если условия МОК не получат одобрения рейхсканцлера, было бы предпочтительно, чтобы город Берлин снял свою кандидатуру»¹⁴. Член МОК от США (впоследствии — яростный противник бойкота и будущий президент Международного олимпийского комитета в 1952—1972 гг.) Э. Брендедж высказывался в этот период в совершенно классическом олимпийском духе: «Сама основа

современного возрожденного олимпийского движения будет подорвана, если позволить отдельным странам ограничивать участие в Играх из-за классовой принадлежности, вероисповедания или расы»¹⁵.

17 Игнорируя все более ужесточающуюся внутреннюю политику нацистов, руководство МОК все же вынуждено было на сессии Международного олимпийского комитета в Вене 6—7 июня 1933 г. под давлением еврейских (прежде всего, американских) организаций обратить внимание на дискриминацию евреев в спорте. На прямой вопрос Байе-Латура, намерены ли немецкие члены МОК подтвердить, что принципы Олимпийской хартии будут соблюдены Германией в полном объеме, Т. Левальд (согласовав вопрос с министерством внутренних дел) дал гарантии, что нарушений Олимпийской хартии во время Игр не будет, а спортсмены — евреи будут допущены к Играм, в том числе — в составе сборной Германии¹⁶.

18 В этот период члены МОК закрыли глаза на важные организационные изменения по подготовке Олимпиады в Берлине. В длинной цепочке бюрократических шагов нацистов по подготовке Игр первым стала замена уже к лету 1933 г. в Оргкомитете игр государственными и партийными чиновниками высокого ранга¹⁷ спортивных функционеров и представителей гражданского общества. Именно нацистские ставленники и вели всю основную подготовительную работу, в том числе пропагандистскую, внутри Германии. Лишение Национального олимпийского комитета Германии какой-либо автономии явно противоречило принципам МОК. Перед заслуженными деятелями, многие годы возглавлявшими олимпийское движение в Германии и обеспечившими приглашение Игр в Берлин, встала сложная дилемма: следование олимпийским идеалам или сотрудничество с нацистским режимом, который умело манипулировал ими, чтобы предотвратить бойкот Олимпиады. Важное значение имел и тот фактор, что два ведущих функционера НОК Германии, его генеральный секретарь К. Дим и президент Олимпийского комитета Германии доктор Т. Левальд имели проблемы с нацистами по «расовому вопросу». С апреля 1933 г. нацистская пресса называла Левальда «полукровкой». Выяснилось, что у жены К. Дима имелись еврейские родственники. К тому же, он в 1933 г. отказался вступить в нацистскую партию. В результате, оба спортивных функционера сменили кресла — стали руководителями Оргкомитета Берлинской олимпиады, поддерживая активные контакты с МОК¹⁸.

19 В силу этих обстоятельств, а также осознавая масштабность будущих Игр, проведения которых в Берлине они активно добивались, оба этих известных в мире спортивных чиновника добровольно стали проводниками нацистской стратегии подготовки Олимпиады¹⁹. Так, уже 1 апреля 1933 г. (то есть в день печально знаменитого бойкота еврейских магазинов и товаров) Т. Левальд гарантировал членам МОК, что в составе сборной Германии, равно

как и в зарубежных делегациях, будут выступать еврейские спортсмены. Левальд активно выступал против бойкота Игр. Он находил способы успокоить его сторонников утверждениями, что отдельные спортивные федерации и спортивные клубы, которые принимают антиеврейские меры, не подконтрольны государству. Он вынужден был, повторяя за Геббельсом, делать заявления, что Нюрнбергские законы 1935 г. имеют лишь внутреннее применение в Германии и не касаются спортсменов-евреев других стран. Левальд приводил «неотразимые» аргументы, объясняя коллегам отсутствие евреев в составе немецкой сборной. «Поверьте, — писал он в американский ОК, — мы больше, чем кто бы то ни было в Америке, хотим иметь в своей команде еврейских атлетов олимпийского калибра. Но у нас их нет, и я не думаю, чтобы Америка желала видеть в нашей команде атлетов второго сорта только потому, что они евреи. Это определенно не отвечает олимпийскому духу». Однако, в частной беседе с американским дипломатом Т. Левальд «со слезами на глазах» сознавался, что его заставляли делать подобные заявления²⁰.

²⁰ Втянувшись в нацистские бюрократические игры, Левальд вынужден был участвовать в выполнении ряда деликатных поручений руководства Рейха. Так, он готовил досье на президента МОК накануне его встречи с Гитлером осенью 1935 г., отмечая заслуги А. де Байе-Латура в противодействии «клеветнической кампании Америки», отслеживал противников Игр за рубежом и информировал о них руководителей Рейха. 21 декабря 1935 г. Левальд обратился к Геббельсу со специальным посланием, обозначив следующим образом состав якобы сформированного в США в ходе попытки бойкотировать Игры «своего рода единого фронта против новой Германии»: сионистские организации, христианские церкви, масоны, коммунисты и консерваторы²¹.

²¹ Вопрос о еврейских спортсменах неоднократно обсуждался на сессиях МОК, однако каждый раз участники дискуссий получали устные заверения немецких делегатов, что Игры пройдут в полном соответствии с Олимпийской хартией.

²² Другим важным стратегическим направлением борьбы против бойкота Олимпийских игр стала «обработка» членов МОК. Немалую роль в трансформации позиции по отношению к Играм в Берлине руководства МОК и его членов сыграла виртуозная персональная работа с ними не только спортивных функционеров, но и руководства Третьего рейха, включая фюрера. Первым был «очарован» спецпредставитель МОК, член НОК США, руководитель Американской ассоциации спортсменов-любителей Э. Брендедж, сам в прошлом участвовавший в олимпийских Играх. В ходе его визита осенью 1934 г. в Германию гитлеровское руководство заверило, что олимпийской Хартии ничто не угрожает. Под впечатлением посещения строящихся спортивных объектов в столице Германии и теплого приема, гость заявил, что к

еврейским атлетам относятся справедливо, поэтому Игры должны состояться в Берлине.

23 МОК того времени, много усилий прилагавший, чтобы утвердиться как абсолютно независимый орган по управлению развитием мирового спорта, на самом деле представлял замкнутую мужскую коллегию, состоявшую из политиков, военных, баронов и других представителей знати, каждый из которых немало поспособствовал тому, что историю олимпийских игр не зря считают историей политических влияний и закулисной дипломатической борьбы. Внутреннюю структуру и принципы взаимодействия между членами комитета нельзя было считать демократическими, что на первых порах делало олимпийские игры детищем лично барона Пьера де Кубертена, обладавшего почти безграничным влиянием.

24 Даже после ухода в 1925 году в отставку он был пожизненно избран почетным президентом МОК и обладал огромным авторитетом. Поэтому не удивительно, что одно из главных направлений германской стратегии противодействия бойкоту Игр была борьба за влияние на Кубертена, за его личную благожелательность. Совершенно очевидно, что негативное отношение духовного отца олимпийских игр современности к Играм, проводимым под сенью флага со свастикой, могло бы решающим образом повлиять на соотношение сил в дискуссии о бойкоте Олимпиады в Германии.

25 Поэтому не случайно, что изоощренная в своем стремлении любыми средствами отстоять проведение олимпийских игр у себя в стране германская верхушка первым делом постаралась привлечь на свою сторону Пьера де Кубертена. Нацисты ловко использовали момент, когда Кубертен переживал не лучшие времена. Ему казалось, что его стали забывать на родине, во Франции, финансовые проблемы вынуждали продавать имущество. Германия же в это время оказывала барону беспрецедентные знаки внимания, и он отвечал ей взаимностью. Последние годы жизни Кубертена и его взаимоотношения с нацистской Германией отражены в литературе чрезвычайно скудно и противоречиво. В российских изданиях в особенности.

26 Эксклюзивное обхаживание Кубертена немцами началось еще в 1933 году. По словам Карла Дима²², в задачу которого входило поддержание контактов между Германским Олимпийским Комитетом (ГОК) и членами МОК, Кубертен очень дружелюбно отзывался о «новой Германии», которая «первой» в Европе стала рассматривать физическую культуру как всеобщее право граждан и предоставляла возможность каждому заниматься спортом, не принуждая записываться в какое-либо общество»²³. В ответ германский рейх не упускал ни одного случая, чтобы не превозносить барона де Кубертена. За год до открытия Олимпиады, 4 августа 1935 г., Имперское радиовещательное общество начало серию радиопередач, транслировавшихся каждое воскресенье

всеми радиостанциями Германии под рубрикой «Праздничные передачи». Право выступить первым для всей страны торжественно было предоставлено почетному президенту МОК Пьеру де Кубертену, что, по мнению устроителей, в той напряженной ситуации в мире должно было однозначно служить подтверждением, что Олимпийские игры 1936 г. состоятся именно в Берлине²⁴.

27 В 1936 г. Кубертен по инициативе ГОК едет в Грецию, где в Олимпии произносит речь перед стартом первой в истории Игр эстафеты олимпийского огня, которую заканчивает восхвалением властей Германии, организовавших Олимпиаду. В том же году по личному приглашению Гитлера Кубертен побывал в Германии, где в своих выступлениях многократно выражал свое почтение фюреру Третьего рейха, который по словам Кубертена, проявив свойственную ему волю, противостоял коварным нападкам посредством которых пытались сорвать проведение Игр²⁵. Кубертен полагал, что гитлеровской Германии выпало на долю быть духовным хранителем олимпизма. Именно барон Пьер де Кубертен стал автором идеи создания в Берлине Международного олимпийского института и решил завещать Германии все свое литературное наследие — несколько десятков тысяч страниц различных произведений.

28 Тоталитарный режим Третьего рейха подчеркнуто активно выставлял напоказ культ Кубертена, используя фигуру и авторитет отца-основателя новых Олимпийских игр для демонстрации собственной приверженности тысячелетним античным традициям. В январе 1936 года высшие функционеры рейха и МОК выдвинули кандидатуру Кубертена на соискание Нобелевской премии мира, а Гитлер лично распорядился передать в «фонд Кубертена» 10 тыс. рейхсмарок. Тогда же одному из входов на Олимпийский стадион германской столицы было присвоено имя Кубертена и поставлен памятник. В момент открытия Игр, когда 1 августа 1936 г. на Олимпийском стадионе собралось около 100 тыс. зрителей и участников Игр, первое, что услышали собравшиеся был голос Пьера де Кубертена, многократно усиленный динамиками, а на табло шел немецкий перевод его слов: «Смысл Олимпийских игр состоит не в победе, но в участии; не завоевывать, а по-рыцарски бороться, вот главное в жизни»²⁶.

29 Барон Пьер де Кубертен ушел из жизни в 1937 г. и, к счастью для себя, не пережил глубочайшего потрясения, которое неизбежно случилось бы с ним, будь он при жизни свидетелем ужасов Второй мировой войны, развязанной человеком, которого он восхвалял за образцово организованную Олимпиаду, за претворение в жизнь, как ему тогда казалось, одного из главных кубертеновских принципов современного олимпизма — принципа мира и всеобщего равенства.

30 Трагедия основоположника олимпийских игр новейшего времени, о

котором говорили, что «он в конце жизни погряз в нацистском болоте», состоит в том, что Кубертен представлял себе Олимпиаду 1936 г. как абсолютно неполитическое международное спортивное мероприятие, проводящееся на германской территории. Кубертен чересчур доверился миролюбивым речам Гитлера и его окружения, не замечая грандиозных размеров милитаризации страны, которые к середине 30-х годов XX века стали совершенно очевидными. С позиций сегодняшнего дня кажется совершенно непостижимым, как барон де Кубертен — великолепный знаток немецкой культуры и духовной жизни, смог отождествить на склоне своих лет немецкий национальный характер с гитлеровским.

³¹ Особое место в усилиях МОК сохранить Игры в Берлине имела специальная миссия члена МОК, американского генерала в отставке Ч. Шерилла. Она свидетельствует, что твердая позиция МОК могла принести определенные результаты, так как нацистское руководство было заинтересовано в проведении Игр. На встрече с Гитлером 24 августа 1935 г. Шерилл настойчиво просил дополнительных гарантий обеспечения участия в Олимпиаде как иностранных евреев, так и евреев Германии. Он предупредил фюрера, что возможен не только бойкот участия делегации США в Играх, но и другие акции со стороны американского правительства. В итоге, Гитлер пообещал, что еще раз рассмотрит эти заверения и, при необходимости, распорядится дополнить их²⁷. 4 сентября 1935 г. руководитель президентской канцелярии фюрера О. Мейснер «доверительно передал» Шериллу письмо министру внутренних дел Фрику с изложением позиции Гитлера..

³² 21 октября 1935 г., вернувшись в Америку, Шерилл дал интервью по итогам визита в Германию, в котором заявил, что ни евреям вообще, ни еврейским спортсменам в Германии якобы ничего не угрожает, а «призывы к бойкоту берлинских Игр приведут лишь к росту антисемитских настроений в самих США»²⁸. При этом он цинично заявлял: «меня так же мало трогает отношение к евреям в Германии, как и линчевание негров в южных штатах»²⁹.

³³ Принятие Нюрнбергских законов, вызвавших шквал критики за рубежом, никак не повлияло на позицию МОК. 20 сентября 1935 г. А. Байе-Латур выступил с критикой призывов о переносе Игр из Германии в другую страну. Он подчеркивал, что сами спортсмены готовы приехать, а в основе действий противников Игр лежат политические соображения³⁰. 5 октября 1935 г. президент МОК обратился с личным письмом к 3 американским членам этой организации с просьбой противодействовать бойкоту³¹. Ровно через месяц (т.е. за несколько дней до принятия поправок к Нюрнбергским законам, наглядно продемонстрировавших их антисемитский характер) состоялась встреча Байе-Латура с Гитлером; стороны в очередной раз подтвердили совпадение своих позиций в отношении будущей Олимпиады. На следующий день президент МОК разослал членам МОК и руководителям НОК

официальное заявление, в котором подтвердил свою поддержку Берлина как места проведения Олимпиады 1936 г.³²

³⁴ Но и Гитлер понимал, что ставки в «игре за Игры» были слишком велики. Вот почему, после долгих колебаний нацистское руководство вынуждено было (хоть и весьма символически) удовлетворить требование международной спортивной общественности разрешить участие еврейских спортсменов в Играх, в том числе — в составе сборной Германии. Был издан специальный указ о том, что с 1 июня по 15 сентября 1936 г. необходимо снять со стен Берлина все юдофобские объявления и растяжки³³. 30 июля 1936 г. министр пропаганды принял представителей германской и зарубежной прессы. На приеме присутствовали президент и члены МОК. Геббельс подчеркнул, что в Германии на практике воплощено олимпийское наследие Пьера де Кубертена.

³⁵

Бойкот Игр в Берлине: причины, ход, итоги

Вопрос о попытках бойкота Олимпиады в Берлине необходимо рассматривать по нескольким направлениям: а) внутри МОК; б) социалистическими международными спортивными организациями, предложившими идею альтернативных Игр в Барселоне; в) национальными спортивными организациями; г) специально созданными комитетами общественности; д) национальными и международными еврейскими организациями; е) профсоюзным движением.

³⁶ Первые сигналы о возможном бойкоте берлинской Олимпиады стали появляться вскоре после прихода Гитлера к власти. Особое значение имела позиция представителей спортивного движения США. На предыдущих играх в Лос-Анджелесе американские спортсмены победили в общекомандном зачете со значительным отрывом. Без их участия представить всемирную Олимпиаду было невозможно. Однако, в составе сборной США было немало чернокожих спортсменов, что явно противоречило расовой идеологии нацистов. Первым о бойкоте Игр в августе 1933 г. заявил Американский еврейский комитет. В начале сентября к нему присоединился союз евреев-ветеранов Мировой войны, позднее Еврейский комитет труда, союз католиков-ветеранов Мировой войны и другие³⁴.

³⁷ Принятие Нюрнбергских законов вызвало ожидаемую волну протестов по всему миру. В различных странах Европы и в США проходили массовые акции с требованием бойкотировать Игры. Многие известные общественные деятели и деятели культуры не оставались в стороне. Знаменитый немецкий писатель Генрих Манн, покинувший страну, когда там воцарилась коричневая диктатура, страстно обращался к читателям: «...Люди во всем мире, будьте верны олимпийским идеалам! Спортсмены, объединяйтесь для участия в

Олимпиаде человечности и мира как можно дальше от Берлина!»³⁵

³⁸ Движение протеста набирало обороты. Особенно активны были левые силы в европейских странах, соседствующих с Германией, которые не без оснований опасались реваншистских приготовлений в Третьем рейхе. Коммунистический и социалистический Спортинтерны объединились для совместной подготовки альтернативных соревнований. Мощная волна протестов против проведения всемирного праздника спорта в расистской Германии началась в США. Критике подвергались как антиеврейская политика немецких властей, так и их действия, направленные против католиков, масонов и либеральных протестантов, а также роспуск рабочих и католических спортивных союзов.

³⁹ Особенно массовыми были выступления в Нью-Йорке во второй половине 1935 г.. Чаще всего местом действия был «Мэдисон сквер гарден», который собирал до 20 тыс. участников протестных манифестаций.

⁴⁰ 15 августа в палату представителей Конгресса был внесен законопроект резолюции об отказе американским атлетам в предоставлении средств для поездки в Германию. Был создан Комитет за честные игры, объединивший более 40 известных общественных и религиозных деятелей³⁶. Едва ли не главным противником участия спортсменов США в Играх стал видный деятель американского спортивного и католического движения судья Джеремиа Махони, президент Любительского спортивного союза. В 1934 г. он сменил Э. Брендеджа на посту президента АОК. Махони обратился к Т. Левальду как председателю Оргкомитета Игр в Берлине с открытым письмом, в котором говорилось: «Нацисты собираются превратить Олимпийские игры в инструмент своей политической пропаганды невиданного масштаба». Автор обращения напрямую связывал проведение Олимпиады в Германии с попыткой нацистов замаскировать свои агрессивные планы. Участие в Играх, по его мнению, стало бы моральной и финансовой поддержкой Гитлера³⁷.

⁴¹ Его главным оппонентом в США был Э. Брендедж, который сыграл едва ли не решающую роль в провале бойкота. Публично он отстаивал следующий тезис: «Олимпийские игры принадлежат спортсменам, а не политикам». Но в основе этой позиции лежали симпатии к Гитлеру и плохо скрываемый антисемитизм. В конце 1935 г., когда разногласия по поводу участия в Олимпиаде усилились, Брендедж заявил о существовании «еврейско-коммунистического заговора», призывающего Соединенные Штаты Америки отказаться от участия в Играх³⁸. Этот слоган весьма напоминал риторику нацистов Германии в попытке замаскировать свои агрессивные планы.

⁴² Немаловажную роль в провале бойкота сыграла позиция выдающихся афроамериканских атлетов во главе с Джесси Оуэнсом. Они не без оснований рассчитывали на триумф в Берлине. Но их главным мотивом был расизм в

собственной стране, невозможность принимать участие в соревнованиях на Юге, где действовали дискриминационные законы. Участие в соревнованиях в Берлине в 1936 г. темнокожих легкоатлетов показалось им гораздо более комфортным, чем соревнования на родине. Вот почему Дж. Оуэнс не ответил на адресованное ему открытое письмо с призывом бойкотировать Игры, опубликованное в одной из газет Нью-Йорка³⁹. На Национальной конференции АОК, проходившей в Нью-Йорке 6—8 декабря 1935 г., где решался вопрос посылать или не посылать делегацию США на XI Олимпийские игры в Берлин, противники бойкота победили с перевесом в 2 голоса (58:56). Д. Махони ушел в отставку, его пост занял Э. Брендедж.

⁴³ Президент Ф. Рузвельт демонстративно отказался участвовать в обсуждении вопроса о бойкоте Игр, заявив, что не вмешивается в деятельность общественных организаций.

⁴⁴ Отдельно отметим роль СССР в отношении к бойкоту Игр и проведению альтернативной Олимпиады в Барселоне. Следует иметь в виду, что почти 20 лет советских спортсменов и представителей рабочего движения не допускали на международные соревнования под эгидой МОК и международных федераций. В результате, были созданы 2 организации, которые сами в острой конкурентной борьбе проводили аналогичные Олимпиадам соревнования под названием Спартакиад — Социалистический спортивный интернационал (САСИ) под эгидой II Интернационала со штаб-квартирой в Берлине и Красный спортивный интернационал (КСИ) — под эгидой Коминтерна в Москве. Последний провел в 1928 г. Всесоюзную спартакиаду в Москве, по масштабу и уровню достижений сравнимую с Олимпиадой. Важную роль сыграли решения 7 конгресса Коминтерна в Москве, прошедшего с 25 июля по 20 августа 1935 г. На нем было объявлено о создании единого Народного фронта как органа согласования деятельности трудящихся различной политической ориентации, сделан шаг навстречу сотрудничеству с социал-демократами. В результате переговоров САСИ и КСИ создали Международный комитет по организации борьбы против проведения Олимпийских игр в нацистской Германии. По инициативе Красного спортивного интернационала Комитет принял решение о бойкоте Олимпиады в Берлине и проведении в 1936 г. Всемирной народной олимпиады в Барселоне (Испания)⁴⁰.

⁴⁵ К началу лета 1936 года идея бойкота получила новый импульс (особенно во Франции и в Испании) после ремилитаризации Рейнской области немецкими войсками 7 марта 1936 г. и победы на выборах во Франции и в Испании Народного фронта. В июне 1936 года в Париже состоялась Международная конференция в защиту олимпийских идей, громко объявившая о несовместимости олимпийских принципов и факта проведения Игр в тоталитарном расистском государстве. Участники конференции обратились ко

«всем людям доброй воли и друзьям олимпийских идей с призывом бойкотировать гитлеровскую Олимпиаду»⁴¹. В результате был создан Международный комитет по организации борьбы против проведения Олимпийских игр в Германии.

46 После интенсивных дискуссий разных политических партий Народного фронта Франции и Испании, правительства этих стран решили принять участие в Берлинских Играх. Несмотря на это, французское правительство решило поддержать Народную олимпиаду финансированием в объеме 600 тыс. франков. На эту сумму были снижены средства, выделенные для Игр в Берлине (они составили 1,1 млн франков). Также поддержали Игры в Барселоне Испания и Каталония (выделив соответственно 250 и 200 тыс. песет). Народная олимпиада стала для стран, в которых существовало движение бойкота, действительной альтернативой нацистским Играм в Берлине. Масштабы протеста отражает число атлетов, которые решили приехать в Барселону: организаторы ожидали 10 тыс. участников, в том числе 6—8 тыс. из Испании⁴².

47 Однако все усилия мировой общественности, направленные на организацию бойкота Олимпиады в Германии и проведение альтернативной Олимпиады, не увенчались успехом. Бойкот не достиг цели, а всемирная народная Олимпиада в Барселоне не состоялась из-за мятежа генерала Франко в день ее предполагавшегося открытия. Игры в Берлине прошли с большим размахом, в них приняло участие рекордное количество спортсменов. Немногие атлеты, движимые своими антифашистскими убеждениями, отважились занять принципиальную позицию, подобно 17-летней австрийской чемпионке по плаванию Юдит Дойч, которая 26 июля 1936 г. обратилась с письмом к руководству Союза австрийских плавательных клубов: «Как еврейка я не могу участвовать в Олимпийских играх в Берлине, потому что мне запрещает сделать это моя совесть. Это заявление является моим собственным, свободным и неизменным решением»⁴³. На этом фоне показательна полная драматизма судьба другой еврейской спортсменки, отдавшей предпочтение иному решению, — фехтовальщицы из Германии Хелены Майер. Она вместе с легкоатлеткой Гретой Бергманн (ее в последний момент отстранят от Игр) входила в так называемый «список Гитлера», состоящий всего из двух человек. Хелена Майер очень много сделала для прославления германского спорта. В 18 лет она завоевала олимпийское золото на Олимпиаде 1928 г. в Антверпене⁴⁴, становилась чемпионкой мира и Европы. В Германии ее ласково называли наша «белокурая Хе». Проживавшая накануне Олимпийских игр 1936 г. в США, Хелена оказалась перед непростым выбором, но все же приняла решение выступить за Германию.

48 Однако на родине она не получила ожидаемой радости. Нацистские власти при каждом удобном случае давали понять, что сделали для нее великое дело, позволив представлять Германию. Да и выступление на фехтовальной

дорожке тоже не оказалось чемпионским. В финальном поединке Хелена уступила венгерской спортсменке Илоне Шахерер-Элек, третье призовое место досталось австрийской рапиристке Элен Прайс⁴⁵. Церемония их награждения, без сомнения, способна была вызвать сильное раздражение у хозяев Игр: спортсменки, занявшие весь пьедестал почета, были еврейками.

⁴⁹ Публичная демонстрация Х. Майер своих верноподданнических чувств (на пьедестале почета она вскинула руку в нацистском приветствии) не помогла ей сохранить гражданство рейха и жить в Германии, на что она рассчитывала, давая согласие выступать за германскую сборную⁴⁶. После окончания Игр власти запретили ей остаться в стране, и она вынуждена была вернуться в США. Известный немецкий ученый и литератор Виктор Клемперер заметил в этой связи: «Еврейка Хелена Майер завоевала для Германии серебряную медаль по фехтованию (я не знаю, что является большим бесстыдством: ее выступление как немки в Третьем рейхе или то обстоятельство, что Третий рейх присваивает себе ее заслуги)»⁴⁷.

⁵⁰ Случай с Х. Майер очень наглядно продемонстрировал, что вся «олимпийская риторика» Гитлера, Геббельса, фон Нейрата, фон Чаммера, зависимых от них Левальда и Дима относительно полного респекта к Олимпийской хартии оказалась бессовестной ложью. Гораздо «честнее» были штурмовики из СА, которые в те годы распевали любимую песенку: «Wenn die Olympiade vorbei, schlagen wir die Juden zu Brei» («Как только Олимпиада завершится, мы сделаем из евреев размазю»).

⁵¹

Итоги и уроки Игр

Усилия нацистских пропагандистов принесли свои политические плоды. В Берлин приехали многие политики, откровенно поддерживающие Гитлера: члены королевских фамилий из балканских стран, люди из ближайшего окружения Муссолини, статс-секретарь британского МИД Р. Ванситтарт. Анализ иностранной прессы об Играх показывает, что в СМИ преобладало мнение, что Игры в Берлине соединили технический прогресс, физическое совершенство, духовное единство и всеобщую волю к миру. Фильм Л. Рифеншталь «Олимпия», вышедший в 1938 г., получил награды многих международных кинофестивалей.

⁵² Нацистам не только удалось не допустить бойкота Игр, но и придать им характер всенародного праздника, консолидировавшего страну. Перед мировой общественностью активно демонстрировались достижения гитлеровского режима на примере спорта. Многочисленным туристам и журналистам Германия предстала образцовой хозяйкой Игр, с доброжелательным и радушным населением. Думается, что этот имидж

цивилизированной страны немало повлиял на провал Эвианской конференции (июль 1938) по вопросу о еврейских беженцах: после триумфа Игр сложно было себе представить, что этим людям грозит опасность для жизни.

⁵³ С другой стороны, уроками Игр стали и первые попытки организованного противодействия нацистскому режиму и объединение в этой борьбе разных политических сил. Этот опыт существенно пригодился в годы Второй мировой войны.

⁵⁴ Как уже отмечалось, МОК того времени не был демократической организацией. Комитет являл собой, скорее, некий элитный клуб, объединивший в своих рядах как представителей аристократической знати, так и отставных генералов, политических деятелей, многие из которых к тому же не склонны были осуждать «новый порядок», установившийся в январе 1933 г. в Германии. Об этом свидетельствует письмо вице-президента МОК того времени Зигфрида Эдстрёма⁴⁸ от 8 февраля 1934 г. Э. Брендеджу. Касаясь нарастающего движения за бойкот Олимпийских игр 1936 г. в связи с дискриминацией евреев в Германии и изгнания их из спортивных организаций, Эдстрём пишет, что не усматривает в этом чего-то экстраординарного и говорит, что и в США многие спортивные клубы не допускают евреев в свои ряды. Тут же Эдстрём, второй человек в иерархии МОК (!), пытается обосновать, почему, по его мнению, в Германии существует оппозиция по отношению к евреям: «Многие эти евреи (живущие в Германии — *авт.*) родом из Польши или России. У них совершенно чуждый Западу менталитет. Поэтому изменение положения было абсолютно необходимым, если Германия должна остаться «белой «нацией»⁴⁹. Становится понятно, почему члены Комитета с таким мировоззрением пошли на беспрецедентный в истории МОК шаг: они исключили из числа своих членов представителя США в этой организации с 1927 г., бывшего замминистра Военно-Морского Флота страны Эрнста Ли Янке, немца по происхождению, который решительно выступал за бойкот Игр в Германии и оппозицию по отношению к нацистам.

⁵⁵ При анализе позиции МОК по берлинским Играм не стоит также забывать, что сравнительно недавно — в 1928 г. — Германия перестала быть страной-изгоем для спортивного мира. МОК отдавал дань уровню развития физкультуры и спорта в Германии и в политическом контексте ставил точку в трагической для человечества истории Первой мировой войны.

⁵⁶ Для лучшего понимания всех резонансов, лежащих в основе принятия решений МОК, не стоит, очевидно, упускать из вида и такой важный для этой организации фактор, как «цена бойкота». Конечно, респектабельные джентльмены из МОК не могли напрочь игнорировать факт существования в Германии расистской внутренней политики. Подходя к решению вопроса о берлинской Олимпиаде, МОК, с одной стороны, не хотел терять лицо и

допускать, чтобы принципы «Олимпийской хартии» демонстративно попирались⁵⁰, а с другой, — стремление Гитлера финансировать Игры и превратить спортивные соревнования в грандиозное представление глобального масштаба явно было по вкусу олимпийским жрецам современности⁵¹. МОК поверил Гитлеру, Геббельсу и К^о под «честное и благородное слово», вполне удовлетворился формальным обещанием германских властей соблюдать все принципы МОК и сохранил за рейхом право на проведение Игр 1936 г. Многие функционеры МОК понимали, что их решение в пользу Берлина в обмен на «олимпизм» нацистов — это результат «большой игры». Сам А. Байе-Латур в частных беседах утверждал, что не стоит поддаваться иллюзиям относительно миролюбия Гитлера⁵².

57 Есть еще один вопрос, связанный с проведением в 1936 г. Олимпийских игр в Германии, который требует специально-акцентированного ответа. В период 1933—1936 гг. становилось предельно очевидно, что помимо принятия демонстративно расистского законодательства, Германия неуклонно превращается в Европе в очаг милитаризма, реваншизма и агрессии. Почему же правящие политики и партии стран, создавших Версальско-Вашингтонскую систему, никак не реагировали на растущее во всем мире движение самых разных общественных сил, протестовавших против проведения Олимпийских игр в такой стране?

58 На наш взгляд, ответ на этот вопрос хорошо иллюстрирует событие, произошедшее двумя годами позже — в конце сентября 1938 г. в Мюнхене. Соглашение, подписанное в этом городе Н. Чемберленом, Э. Даладье, Б. Муссолини и А. Гитлером, явилось квинтэссенцией политики союзников по Первой мировой войне, названной «политикой умиротворения»⁵³. Эта политика привела в итоге к окончательной деградации Версальско-Вашингтонской системы, системы коллективной безопасности, изменила баланс сил в Европе в пользу набиравшей военную мощь Германии.

59 К тому времени, когда достигла кульминации дискуссия о проведении Олимпиады в фашистской Германии, стало уже совершенно очевидно, что политическая карта мира, в том виде, как она выглядела к 1933 г., явно не устраивала германского фюрера, одной из программных целей которого была ревизия зафиксированного в Версале миропорядка. Под его водительством страна готовилась к территориальному и геополитическому реваншу, а немцы — к управлению миром.

60 Тем не менее, политический истеблишмент, сконструировавший мировой версальский механизм, санкционировал проведение Игр в Гармиш-Партенкирхене и Берлине, проигнорировав поистине глобальную протестную реакцию общественности, многих политиков, деятелей культуры, всех здравомыслящих людей. 1933—1936 гг. дали понять Адольфу Гитлеру, что с

такими оппонентами можно иметь дело. С помощью Олимпиады был сделан первый шаг на пути от Берлина к Мюнхену, на пути принципиальных уступок и умиротворения нацизма. Второй, совершенный в сентябре 1938 г. в Мюнхене, поставил человечество на грань мировой войны.

⁶¹ Вдохновленные успехом Игр нацистские лидеры продолжили подготовку в войне (срок службы в армии был увеличен до двух лет), усилили политику государственного антисемитизма, приведшую к погромам «Хрустальной ночи» 9—10 ноября 1938 г. Для Олимпийских игр в Германии была создана подходящая эмблема: нацистский орел, который держал в когтях не свастику, а олимпийские кольца. Располагался орел на колоколе, на котором был написан девиз Олимпиады: «Зову молодежь мира». Оказалось, что молодежь мира звали в окопы и братские могилы Второй мировой войны. Она унесла жизни сотен спортсменов разных национальностей, которые участвовали в Олимпиаде и десятки тысяч тех, кто стал ее зрителями.

Примечания:

1. Völkischer Beobachter, 19.08.1932. См.: Krüger A. Die Olympischen Spiele 1936 und die Weltmeinung. Ihre außenpolitische Bedeutung unter besonderer Berücksichtigung der USA. Sportwissenschaftliche Arbeiten. Bd. 7. Berlin 1972, S. 33. Zeyringer K. Olympische Spiele. Eine Kulturgeschichte von 1896 bis heute. Bd. 1. S. 236.
2. Large D. C. Nazi Games: The Olympics of 1936. W. W. Norton & Company. New York, 2007, P. 49.
3. Haller G. Der Olympische Gedanke // Nationalsozialistische Monatshefte / hrsg. von A. Hitler. 3 (1933) 30. S. 385—396.
4. Теодор Левальд (1860—1947), президент Олимпийского комитета Германии (1919—1933), член МОК (1926—1938) и его Исполкома. С января 1933 г. — руководитель Оргкомитета Игр в Берлине. Бабушка Левальда по отцу была еврейка. Принял христианство в 17 лет. После окончания Игр вместе с К. Димом основал Спортивный университет.
5. Moshe Gottles. The American Controversy over the Olympic Games // American Jewish Historical Quarterly. Vol. LXI. № 3 (March, 1972). P. 182.
6. Карл Дим (1882—1962) — немецкий теоретик и историк спортивного движения. Генеральный секретарь Оргкомитета Игр 1936 г., впервые реализовавший идею эстафеты с факелом из Олимпии до места проведения Олимпийских игр. В 1933 г. отказался вступить в нацистскую партию и был уволен с должности проректора Высшей школы физической культуры. В 1934 году нацисты считали его «политически неблагонадежным» (вероятно, из-за еврейских родственников жены). После Игр 1936 г. издал трехтомный труд «Олимпийский огонь».
7. См.: Moshe Gottles. Ibid. P. 184.
8. Владимир Абаринов. Игры для фюрера или Сколько стоил Кубертен? // Совершенно секретно. 2007. № 4 (215). С. 31.
9. См.: Ватлин А. Ю. Германский МИД и подготовка Берлинской Олимпиады 1936 г. // Новая и новейшая история». 2016. № 4. С. 40.
10. См.: Krüger A. Die Olympischen Spiele 1936 und die Weltmeinung, ihre außenpolitische Bedeutung unter besonderer Berücksichtigung der USA. Berlin, 1972. S. 11.
11. Салкенд О. Триумф и воля. Лени Рифеншталь. М., 2003, С. 269—270.
12. Ватлин А. Ю. Указ. соч. С. 31, 33, 42.
13. Там же. С. 42.
14. См.: Pfeiffer R. Sport und Politik. Die Boykottdiskussionen um die Olympische Spiele von Mexico City 1968 bis Los Angeles 1984. Frankfurt a/M., 1988. S. 22.

15. Krüger A. Die Olympischen Spiele 1936 und die Weltmeinung. S. 47. Kessler. Only Nazi Games? P. 128.
16. Preserve the Olympic Ideal. A Statement of the Case Against American Participation in the Olympic Games at Berlin. New York, The Committee on the Fair Play in Sports, [1935]. P. 8.
17. Назовем среди них генерала В. фон Рейхенау, члена МОК от Германии с 1938 г., ставшего впоследствии генерал-фельдмаршалом за взятие Парижа, командующего 6-й армией на Восточном фронте; Р. Гейдриха, будущего заместителя Гимmlера и начальника Главного управления безопасности рейха, организатора Ванзейской конференции 1942 г. по «окончательному решению еврейского вопроса», заместника Гитлера в Чехии и Моравии (убит британскими парашютистами в 1942 г. близ чешской Лидице) и К. Далюге, начальника полиции порядка, в годы Второй мировой войны осуществлявшей карательные операции на Восточном фронте и лично организовавшего сожжение Лидице.
18. Guy W. Berlin games. How the Nazis Stole the Olympic Dream. New York, 2006. P. 15.
19. Krüger A. Theodor Lewald. Sportführer ins Dritte Reich. Berlin, 1975, S. 28-33.
20. Hart-Davis D. Hitler's Games: The 1936 Olympics. New York, 1986. P. 76—77.
21. Ватлин А. Ю. Указ. соч. С. 40.
22. В 1938 г. он стал первым директором Международного олимпийского института, открытого в Германии при поддержке П. де Кубертена.
23. Krüger A. Die Olympischen Spiele 1936. S. 62, 98. Много свидетельств об отношении Кубертена к гитлеровской Германии можно найти в публикациях и мемуарах самого К. Дима (Diem C. Ein Leben für den Sport. Erinnerungen aus dem Nachlaß. Ratingen, Kastellaun, Düsseldorf. o. J., 1974); Boulouge P. Y. Pierre de Coubertin. Ein Beitrag zu einer wissenschaftlichen Untersuchung Seines Lebens und seines Werkes // Schulke H. (Hrsg). Die Zukunft der Olympischen Spiele. Die olympische Bewegung zwischen Montreal und Moskau. Köln, 1976, S. 80—95.
24. Programmplan für die vorolympische Rundfunk-Kampagne. Reichssendeleitung Olympia-Beauftragter. Bundesarchiv 78/674. Цит. по: Teichler H. J. u. a. Filme und Rundfunkreportagen als Dokumente der deutschen Sportgeschichte von 1907—1945. Schorndorf, 1981.
25. Coubertin P. Der olympische Gedanke. S. 134.
26. Olympische Spiele. Die Eröffnung. Bundesarchiv. Rk 43 II/730.
27. Large D. C. Nazi Games: The Olympics of 1936. W. W. Norton & Company, New York, 2007. P. 83—85.
28. Ватлин А. Ю. Указ. соч. С. 35, 37.
29. Pfeiffer R. Op. cit. S. 24.
30. Ватлин А. Ю. Указ. соч. С. 37.
31. Large D. C. Nazi Games: The Olympics of 1936. W. W. Norton & Company, New York, 2007. P. 90—91.
32. Ватлин А. Ю. Указ. соч. С. 38.
33. Fuhrer A. Hitlers Spiele. Olympia 1936 in Berlin. Berlin, 2011. S. 67ff.
34. Moshe Gottles. Ibid. P. 192, 194.
35. Arbeiter-Illustrierten-Zeitung, Prague, 10. Juni 1936.
36. Krüger A. Die Olympischen Spiele 1936. S. 114, 122.
37. Bachrach S. D. The Nazi Olympics, Berlin 1936. United States Holocaust Museum, 2000. P. 49.
38. Krüger A. Die Olympischen Spiele 1936. S. 135f.
39. Large D. C. Nazi Games: The Olympics of 1936. W. W. Norton & Company, New York, 2007. P. 88—90.
40. Gounot A. Barcelona gegen Berlin. Das Projekt der Volksolympiade 1936. In: Krüger M. (Hrsg.). Der deutsche Sport auf dem Weg in die Moderne: Carl Diem und seine Zeit. Münster, 2009. S. 119—130; Physick R. The Olimpiada Popular: Barcelona 1936, Sport and Politics in an Age of War, Dictatorship and Revolution. In: Sport in History. 2017. Vol. 37. Issue 1. P. 51—75.
41. Physick R. The Olimpiada Popular. P. 62. Kessler M. Only Nazi Games? Berlin 1936: The Olympic Games between Sports and Politics, Socialism and Democracy. 25:2 (2011). P. 129.

42. Physick R. The Olimpiada Popular. P. 62.
 43. 1936. Die Olympischen Spiele und der Nationalsozialismus. Eine Dokumentation. Berlin, 1996. S. 63.
 44. В 1918 г. МОК отлучил Германию от участия в мировом Олимпийском движении в качестве наказания за развязывание мировой войны.
 45. Хавин Б. Все об Олимпийских играх. М., 1974. С. 129.
 46. 1936. Die Olympischen Spiele und der Nationalsozialismus. Eine Dokumentation. Berlin, 1996. S. 57.
 47. Klemperer V. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933—1941. Berlin, 1995. S. 292.
 48. Эдстрём З. (1870—1964) в 1942 г. после смерти президента МОК, графа А. Байе-Латура возглавил МОК и оставался на этом посту до 1952 г.
 49. Цит. по: 1936. Die Olympischen Spiele und der Nationalsozialismus. Eine Dokumentation. Berlin, 1996. S. 55.
 50. Pfeiffer R. Sport und Politik. Die Boykottdiskussionen um die Olympische Spiele von Mexico City 1968 bis Los Angeles 1984. Frankfurt a/M., 1988. S. 22.
 51. Krüger A. Theodor Lewald. Sportführer ins Dritte Reich. Berlin, 1975. S. 28—33.
 52. Hart-Davis D. Hitler's Games. New York, 1986. P. 78—79.
 53. Подробнее о различных аспектах мюнхенского соглашения см.: Мюнхенское соглашение 1938: история и современность. М., 2009.
-

Библиография:

1. Абарин В. Игры для фюрера или сколько стоил Кубертен? // Совершенно секретно. 2007. № 4 (215).
2. Белоусов Л., Ватлин А., Стрелков А. Олимпийское движение: история и современность. М., 2016.
3. Ватлин А. Ю. Германский МИД и подготовка Берлинской Олимпиады 1936 г. // Новая и Новейшая история. 2016. № 4.
4. Мюнхенское соглашение 1938: история и современность. М., 2009.
5. Салкенд О. Триумф и воля Лени Рифеншталь. М., 2003.
6. Хавин Б. Все об Олимпийских играх. М., 1974.
7. 1936. Die Olympischen Spiele und der Nationalsozialismus. Eine Dokumentation. Hrsg. von R. Ruerup. Berlin, 1996.
8. Bachrach S. D. The Nazi Olympics, Berlin 1936. United States Holocaust Museum, 2000.
9. Boulouge P. Y. Pierre de Coubertin. Ein Beitrag zu einer wissenschaftlichen Untersuchung seines Lebens und seines Werkes // Schulke H. (Hrsg). Die Zukunft der Olympischen Spiele. Die olympische Bewegung zwischen Montreal und Moskau. Koeln, 1976.

10. Fuhrer A. Hitlerspiele. Olympia 1936 in Berlin. Berlin, 2011.
11. Gounot A. Barcelona gegen Berlin. Das Projekt der Volksolympiade 1936. In: Kroeger M. (Hrsg.). Der deutsche Sport auf dem Weg in die Moderne: Carl Diem und seine Zeit. Muenster, 2009.
12. Guy W. Berlin games. How the Nazis Stole the Olympic Dream. New York, 2006.
13. Hart-Davis D. Hitler's Games: The 1936 Olympics. New York, 1986.
14. Klemperer V. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebuecher 1933—1941. Berlin, 1995.
15. Kroeger A. Theodor Lewald. Sportfuehrer ins Dritte Reich. Berlin, 1975.
16. Kroeger A. Die Olympischen Spiele 1936 und die Weltmeinung. Ihre aussenpolitische Bedeutung unter besonderer Beruecksichtigung der USA. Berlin, 1972.
17. Large D. C. Nazi Games: The Olympics of 1936. New York, 2007.
18. Moshe G. The American Controversy over the Olympic Games // American Jewish Historical Quarterly. 1972. Vol. LXI. № 3.
19. Pfeiffer R. Sport und Politik. Die Boykottdiskussionen um die Olympische Spiele von Mexico City 1968 bis Los Angeles 1984. Frankfurt a/M., 1988.
20. Physick R. The Olimpiada Popular: Barcelona 1936, Sport and Politics in an Age of War, Dictatorship and Revolution. In: Sport in History. 2017. Vol. 37.
21. Preserve the Olympic Ideal. A Statement of the Case Against American Participation in the Olympic Games at Berlin. New York, The Committee on the Fair Play in Sports, [1935].
22. Teichler H. J. u.a. Filme und Rundfunkreportagen als Dokumente der deutschen Sportgeschichte von 1907—1945. Schorndorf, 1981
23. Zeyringer K. Olympische Spiele. Eine Kulturgeschichte von 1896 bis heute. Band 1.

The Olympics of 1936 in Berlin: the Struggle for Hosting and Search for Alternatives

I. Altman

*Russian State University for the Humanities
Russian Federation, Moscow*

L. Belousov

*Russian International Olympic University
Lomonosov Moscow State University
Russian Federation, Moscow*

C. Winkler

*Russian State University for the Humanities
Russian Federation, Moscow*

V. Ishchenko

*Institute of World History RAS
Russian State University for the Humanities
Russian Federation, Moscow*

N. Peshin

*Russian International Olympic University
Lomonosov Moscow State University
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The article focuses on the course of events on the eve of the 1936 Olympics in Berlin, describing preparations for and attempts to boycott the games. It analyses global political threats to the Olympic movement that arose when preparations for the XI Olympic games were under way and which point to the double role of sport in Nazi-Germany: It served as an effective means for preparing for the future war and the propagandistic backing of the racial theory, state-driven anti-Semitism and militarization of the Third Reich. The authors expose attempts to boycott the games, as well as the joint international struggle of various social groups to organize an alternative Olympiad in Barcelona. The article demonstrates the Nazi-leaderships' ploy to deceive the International Olympic Committee and the subjective factors that affected the decision to refrain from boycotting the Berlin games. It discusses the implications resulting from the games and the failed boycott with regards to Nazi Germany's preparations for WWII and concludes that the lessons from the Berlin Olympics are particularly important in the context of "early warning systems" of emerging forms of racism and xenophobia at the state-level.

Keywords: Berlin summer Olympics of 1936, International Olympic Committee, Nazi-Germany, boycott, racism, state-driven anti-Semitism

Publication date: 31.08.2018

Citation link:

Altman I., Belousov L., Ishchenko V., Peshin N., Winkler C. The Olympics of 1936 in Berlin: the Struggle for Hosting and Search for Alternatives // Istoriya. 2018. Issue 7 (71) [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <http://history.jes.su/s207987840002381-8-1> (circulation date: 10.12.2018). DOI: 10.18254/S0002381-8-1

Код пользователя: 1427; Дата выгрузки: 10.12.2018; URL - <http://history.jes.su/s207987840002381-8-1> Все права защищены.